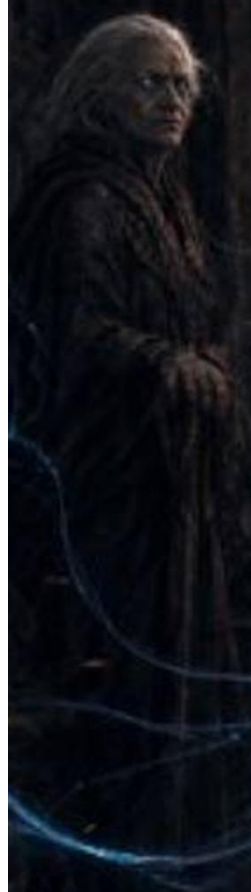

ИЗЛОМАННАЯ. Чёрный прилив

◆ Соня Белка ◆

Изломанная

Соня Белка

Изломанная. Чёрный прилив

«Автор»

2026

Белка С.

Изломанная. Чёрный прилив / С. Белка — «Автор»,
2026 — (Изломанная)

Вторая книга цикла — о цене выбора и силе, которую обретаешь, когда теряешь всё. "Пустота - это не потеря. Пустота - это начало"Тьма внутри неё проснулась.Эйра и старая Капельница Верра отправляются на Улей — пласт, считавшийся мёртвым. Туда же рвётся Торвальт. Он держит путь через Залом — расщелину, кишашую отбросами. Его цель — переписать первый контракт, удерживающий миры вместе. Если он успеет — всё рухнет.Герои идут через Лазурник — мир эфирных рек и забытых воспоминаний. Вход туда не продаётся за золото. Цена — самое дорогое. Воспоминание.Эйре предстоит выбор, который изменит её навсегда. В руках — чёрная игла, пульсирующая тьмой. На поясе — нож из эфирного стекла. А в груди — имя, которое она боится произнести вслух.

© Белка С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел и частота	5
Глава 2. Долг Верры	7
Глава 3. Два пути	9
Глава 4. Последний вечер на Шёпоте	11
Глава 5. Порог Залома	13
Глава 6. Восход	15
Глава 7. Тропа в Заломе	17
Глава 8. Берег эфирной реки	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Соня Белка

Изломанная. Чёрный прилив

Глава 1. Пепел и частота

Шёпот пах пеплом.

Эйра стояла на балконе Архива. Внизу, на площади, сустились люди: кто-то разобрал завалы, кто-то чинил порванные эфирные нити. Воздух всё ещё дрожал от остаточной частоты, хотя Торвальт ушёл не больше часа назад. Или двух. Эйра сбилась со счёта.

Она посмотрела на свою правую руку. В пальцах — чёрная игла. Не её. Чужая. Тяжёлая, как камень, и холодная — не грелась от тепла ладони, будто высасывала его. Эйра сжала её крепче. Та не ответила: ни тепла, ни вибрации. Только глухое, давящее молчание.

Но внутри, глубоко, Эйра чувствовала его — тьму. Она лежала где-то в груди, свернувшись, как зверь. Спала. Но стоило подумать о ней — и она шевелилась. Чуть теплела, когда Эйра злилась. Холодела, когда страх подкатывал к горлу.

Игла чувствовала всё. И молчала.

Рядом на перила опиралась Верра. Серебряные глаза Капельницы смотрели вдаль, на дымящиеся башни Шёпота. Она молчала, но молчание это было тяжёлым, наполненным мыслями.

— Ты опять смотришь на неё, как на врага, — сказала Верра, не оборачиваясь.

— Потому что она враг, — ответила Эйра.

— Нет. Она — оружие. Враг — тот, кто держит его неправильно.

Эйра промолчала. Спрятала иглу за пояс. Та кольнула холодом даже сквозь ткань.

— Сибилла зовёт, — раздался голос изнутри.

Обе обернулись. В дверях балкона стояла Сибилла.

Архивариус выглядела так, будто её пропустили через мясорубку и забыли починить. Длинное тёмно-серое платье, расшитое эфирными нитями, когда-то светилось мягким серебром — теперь потускнело от сажи. Рукава широкие, до локтей в пепле; на левом — разрыв, под которым темнела запёкшаяся кровь.

Волосы, седые и обычно собранные в идеальный узел, растрепались. Несколько прядей выбились и торчали в разные стороны. Лицо было испачкано сажей, на скуле — свежая царапина. Глаза, светлые, почти белые, смотрели устало, но остро. Под ними — глубокие тени.

На тонкой шее — кулон: капля застывшего эфира в серебряной оправе. Он пульсировал слабее обычного — Сибилла потратила много частоты.

Пальцы, сжимавшие дверной косяк, были в чёрных пятнах ожогов. Эйра заметила, что кончики дрожат.

— Ты цела? — спросила Эйра.

— Относительно, — ответила Сибилла. — Пришлось гасить стеллаж в восточном крыле вручную. Частота сбилась, пришлось перестраивать три нити. Одна лопнула, ударила по рукам.

Она посмотрела на свои ладони.

— Заживёт. Но библиотека — не вся.

Эйра шагнула с балкона внутрь. За ней — Верра. Луск остался снаружи.

— Ты идёшь? — крикнула Эйра.

— Сейчас, — отозвался Луск.

Он сидел на парапете и ковырял что-то в руках. Эйра подошла ближе и увидела: в пальцах Луска — старый, помятый компас. Корпус треснул, стрелка болталась.

— Откуда это у тебя? — спросила она.

Луск пожал плечом, не поднимая головы.

— Давно нашёл.

— Где?

— На Тени, — сказал он. — В Пепельном городе, когда мы уходили. Валялся в развалинах, среди пепла. Я подобрал. Подумал — вдруг пригодится.

— И не сказал?

Луск наконец поднял голову.

— А что говорить? Ты бы сказала, что это мусор. А я сразу понял: вещь старая, но рабочая. Если починить, он сможет находить эфирные линии. Даже скрытые.

Он покрутил компас в пальцах.

— Может пригодиться, если основные переходы закроют.

Эйра посмотрела на него долгим взглядом. Луск выдержал, не отвёл глаз.

— Ладно, — сказала она. — Пошли. Сибилла ждёт.

Она шагнула внутрь Архива. За ней — Луск, спрятав компас в карман.

Игла за поясом кольнула холодом сильнее. Эйра сжала зубы.

Тьма внутри шевельнулась. Не проснулась — но вздохнула.

Глава 2. Долг Верры

Внутри Архив выглядел ещё хуже, чем с балкона.

Большой зал, где совсем недавно стеллажи уходили под потолок, теперь зиял пустотой. Книги валялись на полу раскрытыми, страницы топтали ногами. Эфирные нити свисали с потолка оборванными щупальцами — некоторые ещё слабо светились, но большинство погасли навсегда.

Сибилла вела их в свой кабинет. Маленькая комната в конце коридора, где она хранила личные записи и принимала почту для странников. Кабинет уцелел чудом: дверь была заперта, и огонь сюда не добрался. Но внутри царил бардак. Стол завален свитками, картами, огарками свечей. В углу — перевёрнутый стеллаж, его не успели поднять. На полу — рассыпанные эфирные кристаллы, мелкие, как песок.

Сибилла села за стол. Жестом указала на стулья — точнее, на то, что от них осталось.
— Садитесь.

Верра опустилась на стул медленно, с заметным усилием. Эйра заметила, как она оперлась рукой о край стола, прежде чем сесть. Старость не прощала спешки.

Верра была стара. Эйра знала это, но иногда забывала — когда та говорила твёрдо или смотрела острым серебряным взглядом. Сейчас же, при тусклом свете свечи, морщины на её лице казались глубже, седина в волосах — белее. Пальцы, сцепленные на коленях, — узловатые, с тёмными пятнами.

Эйра осталась стоять, прислонившись к стене. Луск присел на корточки у двери.

Сибилла полезла в ящик стола. Долго копалась, отодвигая бумаги. Наконец достала маленький эфирный кристалл — слёзу застывшего света, тёмно-оранжевую, размером с фалангу пальца.

— С Уляя, — сказала Сибилла коротко. — Пришло час назад среди общей почты. Я не знала, что оно для тебя, пока не вскрыла.

Она положила кристалл на стол. Тот слабо пульсировал, отбрасывая оранжевые блики на стены.

— От кого? — спросила Верра. Голос был тихим, но в нём звенело напряжение.

— Голос узнаешь сама.

Верра протянула руку. Пальцы дрогнули, когда она взяла кристалл. Она сжала его в кулаке — медленно, будто боялась услышать.

Кристалл хрустнул.

Из разбитых граней вырвался голос — женский, хриплый, задыхающийся. Слова падали быстро, спотыкаясь друг о друга:

— Верра... если ты где-то... Торвальт идёт к Залому. Он узнал про Имя. Если он возьмёт Залом — Улей не устоит. Старые Семьи уже шепчутся. Колыбель... я держу её, но долго не смогу. Если ты жива — приходи. Быстро.

Голос оборвался.

Кристалл рассыпался в пальцах Верры в пыль. Пыль посыпалась на стол серым пеплом.

Верра смотрела на пустую ладонь. Молчала долго. Потом разжала пальцы, стряхнула остатки.

— Это моя сестра, — сказала она. — Старшая. Она смотрит за Колыбелью, пока меня нет. Она не знала, где я. Отправила сигнал наугад, на все точки, где меня могли услышать.

Она подняла взгляд. Серебряные глаза — усталые, но твёрдые.

— Я пойду на Улей. Завтра.

— Верра... — начала Эйра.

— Я пойду, — повторила Верра. Голос был спокоен, но в нём слышалась усталость человека, который слишком долго нёс груз. — Даже если ты останешься.

Повисла пауза. Луск кашлянул.

— Ну, я вообще-то тоже не против свалить отсюда, — сказал он, пытаясь шутить, но голос дрогнул. — Только мне бы компас сначала починить...

Никто не улыбнулся.

Эйра смотрела на Верру. Старая Капельница сидела неподвижно, но в её глазах Эйра видела страх. Не за себя — за Колыбель. За своих, кто остался там.

Тьма внутри Эйры шевельнулась. Снова. Острым холодом кольнула в груди.

— Я пойду с тобой, — сказала Эйра.

Верра подняла на неё взгляд.

— Ты не готова.

— Знаю. Но если я останусь — я никогда не буду готова.

Верра долго смотрела на неё. Потом кивнула. Один раз. Медленно.

— Тогда завтра выступаем.

Сибилла вздохнула и полезла под стол. С усилием вытащила потрёпанный свёрток — старую карту, пожелтевшую по краям. Развернула на столе, придавив края огарком свечи и тяжёлым камнем.

Эйра подошла ближе.

На карте — пласты. Сверху вниз: Сияние, под ним — Улей, а под ним — два ответвления: узкая извилистая линия с пометкой «Залом» и широкая плавная дуга с пометкой «Лазурник». Ниже — Шёпот. Ещё ниже — Тень. И в самом низу — Порог, за которым пустота.

— Торвальт уже выбрал путь, — сказала Сибилла, водя пальцем по узкой линии Залома. — Короткий, опасный.

Она перенесла палец на широкую дугу.

— Лазурник. Дольше. Но безопаснее.

— Мы идём через Лазурник, — сказала Эйра.

Все посмотрели на неё.

— Торвальт выбрал Залом, — пояснила Эйра. — Если мы пойдём тем же путём, он будет ждать нас. А Лазурник — другой вход на Улей. Мы обойдём его.

Верра подумала. Кивнула.

— Значит, Лазурник.

Сибилла свернула карту.

— Отдыхайте. Выступаем завтра.

Эйра вышла из кабинета. В коридоре она остановилась, достала иглу из-за пояса. Та блеснула чёрным.

— Ты слышала? — тихо спросила Эйра. — Мы идём наверх.

Игла молчала.

Но в груди что-то дрогнуло. Тьма — как эхо в пустом зале — отозвалась.

Глава 3. Два пути

Эйра проснулась от холода.

Спала она на полу в малой читальне: Сибилла бросила ей старый матрас, набитый сушёной травой, и рваное одеяло. Этого хватило, чтобы не замёрзнуть, но не чтобы выспаться.

Она села и потянулась за иглой. Та лежала рядом на камнях.

Эйра взяла её. На миг ей показалось, что металл стал чуть теплее, чем вчера. Или просто рука привыкла.

Она убрала иглу за пояс и пошла на запах еды.

В малой кухне уже собрались все. Сибилла стояла у очага, помешивая похлёбку. Верра сидела за столом, перед ней — кружка воды. Луск пристроился рядом и ковырял свой компас тонкой иглой.

Эйра села. Взяла кусок хлеба — чёрствого, но съедобного.

— Расскажи про пути, — сказала она Сибилле.

Та кивнула, отставила половник и села напротив. Вытерла руки о подол, испачканный сажей.

— На Шёпоте два пути наверх, — начала она. — Залом и Лазурник.

Она провела пальцем по столу, будто чертя линию.

— Залом — это расщелина в восточной части пласта. Узкая, тёмная, стены острые, как ножи. Там постоянно дуют частотные ветры — они сбивают чувство направления, давят на голову. Если не привык — можно сойти с ума за пару дней.

Сибилла помолчала.

— Залом кишит отбросами. Воры, карманники, обманщики, торговцы контрактами. Они не нападут открыто — им проще обвести тебя вокруг пальца, продать Старым Семьям или просто бросить умирать в расщелине. Там доверять нельзя никому. Даже тем, кто улыбается.

Она подняла взгляд на Эйру.

— Торвальт выбрал Залом не потому, что он быстрее. Он выбрал его, потому что там он чувствует себя как дома.

Эйра молча слушала.

— А Лазурник? — спросила она.

— Лазурник — это вода, свет и пение, — сказала Сибилла, и её голос чуть смягчился. — Он весь состоит из эфирных рек. Там нет камня — только кораллы, ракушки, переливающиеся стены. Воздух влажный и тёплый. Местные зовут себя Лазурными: они живут в гармонии с эфиром, танцуют, поют.

Сибилла покачала головой.

— Но чужаку там несладко. Лазурные не любят тех, кто приходит с войной. Если они почувствуют, что ты несёшь угрозу, — они запрет тебя в Банке Воспоминаний, и ты никогда не найдёшь выхода.

— Банк Воспоминаний? — переспросила Эйра.

— Место, где хранят чужую память. Лазурные умеют с ней работать. Зачем им убивать, если можно стереть?

Луск отложил компас.

— А третий путь есть? — спросил он.

Сибилла перевела на него взгляд.

— Есть. Через Пустоту. Но оттуда не возвращаются.

— Тогда не надо, — быстро сказал Луск и снова уткнулся в компас.

Верра молча слушала весь разговор. Потом поднялась.

— Значит, Лазурник. Собираемся.

— Подожди, — остановила её Эйра. — Я хочу попробовать кое-что. Перед дорогой. Она вышла из кухни и направилась в пустой зал Архива.

Села на каменный пол. Достала иглу. Положила перед собой.

Тьма внутри шевельнулась — ждала.

Эйра протянула руку. Коснулась иглы. И впустила тьму осознанно, впервые по своей воле.

Холод рванул от иглы в пальцы, сжал лёгкие. Мир дрогнул. Игла завибрировала: по чёрному металлу побежали тёмно-синие линии, складываясь в узор.

Эйра выдохнула и отдёрнула руку.

Игла остыла. Узор погас.

Пальцы дрожали. Эйра поднесла иглу ближе к лицу.

— Ты чувствовала это? — шепнула она. — Я тебя впустила. А ты меня —пустишь?

Игла не ответила. Но в груди, в самой глубине, кто-то согласно вздохнул.

Эйра убрала иглу за пояс.

Вернулась к остальным.

Сибилла взглянула на неё. Ничего не сказала.

— На рассвете выходим, — только и бросила она.

Глава 4. Последний вечер на Шёпоте

Вечер опустился на Шёпот тихо, как пепел, но жизнь в Архиве только начинала просыпаться.

Двор, ещё утром заваленный обломками, теперь гудел голосами. Кто-то разбирает камни, перекидывая их друг другу. У большого костра сидели странники — человек десять, не меньше. Пахло едой, потом и дымом.

Пожилая женщина в сером платке раздавала миски с похлёбкой. Рядом с ней вертелся мальчишка — лет двенадцати, грязный, с обожжённой рукой. Он таскал воду, ругался сквозь зубы и то и дело оглядывался на огонь.

Эйра сидела на каменном выступе в тени, подальше от света. Смотрела.

— Не спится?

Она обернулась. Подошла Верра. Старая Капельница опустилась рядом — тяжело, опираясь на стену. Эйра заметила, как она придерживает поясницу.

— Местные кровати не для моих костей, — буркнула Верра. — Камни мягче.

Эйра усмехнулась.

Некоторое время они сидели молча. Смотрели на костёр, на людей, на то, как дым уходит в темноту.

Мимо прошёл мужчина в рваном плаще. Остановился, глянул на них.

— Вы те, что идут вверх? — спросил он хрипло.

Верра подняла на него взгляд.

— Кто спрашивает?

— Никто. — Мужчина сплюнул в сторону. — Просто слышал, что одна из вас — Капельница. Редко теперь встретишь. Удачи вам.

Он кивнул и пошёл дальше.

Верра проводила его взглядом. Ничего не сказала.

— Ты раздаёшь автографы? — раздался голос сбоку.

Эйра обернулась. Из темноты вынырнул Луск. В руках он держал свой компас и тряпку, которой протирал корпус.

— Не спится? — спросила Эйра.

— Мне всегда не спится, — он плюхнулся на камни рядом. — Тем более когда завтра идти непонятно куда. Компас всё ещё сломан, кстати. Для отчёта.

— Починишь, — сказала Верра.

— Оптимизм заражает, — хмыкнул Луск. — Я им уже надышался. Скоро начну верить в лучшее.

Он помолчал. Посмотрел на огонь.

— Ты чего такая задумчивая? — спросил он вдруг у Верры. — Боишься?

Верра повернула голову. Серебряные глаза блеснули в свете костра.

— Боюсь, — сказала она. Тихо. Без надрыва.

Луск притих. Он не ожидал честного ответа.

— Я старая, — продолжала Верра, глядя в огонь. — Я прожила свою жизнь. Я боюсь не за себя. Я боюсь, что не успею. Что приду на Улей, а Колыбель уже пала. Что сестра...

Она замолчала.

Луск опустил голову. Перестал вертеть компас.

— Она сильная, — сказал он неожиданно серьёзно. — Твоя сестра. Раз она держится до сих пор. Значит, дождётся.

Верра посмотрела на него. Долго.

— Спасибо, — сказала она. Просто. Без лишних слов.

Луск смущённо хмыкнул и снова уткнулся в компас.

— Ладно, пойду я. Надо до рассвета хоть немного поспать. А то буду завтра клевать носом, и меня съедят лазурные рыбки.

— Там нет рыбок, — сказала Эйра.

— А вдруг. Я не рискую.

Он поднялся и ушёл в темноту, напоследок махнув рукой.

Верра повернулась к Эйре.

— А ты? Что ты чувствуешь, когда держишь эту чёртову иглу?

Эйра опустила взгляд на свои руки.

— Страх, — сказала она честно. — И любопытство. Она тянет меня. Я знаю, что она опасна. Но я хочу понять, что она такое.

Верра кивнула.

— Страх — это хорошо. Значит, ты ещё не потеряла себя.

Она положила узловатую ладонь на плечо Эйры. Легонько жала.

— Если почувствуешь, что теряешь, — вспомни этот страх. Он удержит.

Они сидели в тишине.

Вокруг гудел Архив. Кто-то смеялся у костра. Кто-то чинил порванную нить — эфир слабо светился в темноте. Где-то вдалеке запела эфирная нить — тонко, печально, как колыбельная.

Верра поднялась первой.

— Иди спать. Завтра рано вставать.

Эйра кивнула, но осталась сидеть ещё немного. Смотрела, как догорает костёр, как люди расходятся по углам. Двор пустел.

Потом она поднялась и побрела в свою каморку.

Легла на матрас, закрыла глаза.

И провалилась в сон.

Ей снилась тёмная вода. Гладкая, как стекло. Она стояла по колено в ней, и холод поднимался выше, выше...

Где-то в глубине, под водой, кто-то позвал:

— Эйра...

Голос был далёким, чужим. Но она знала его.

Она шагнула вперёд.

Вода сомкнулась над головой.

Глава 5. Порог Залома

Тёмная вода плескалась у ног.

Торвальт стоял на краю расщелины и смотрел вниз. Там, в глубине, текла река — чёрная, густая, без единого блика. Она не отражала свет. Она его пожирала.

Где-то над головой выл ветер.

Он поправил капюшон: грубая серая ткань, мешковатый плащ, скрывающий фигуру до пят. Никаких нашивок, никаких опознавательных знаков. Под плащом — потёртая кожаная куртка, тёмные штаны, сапоги с железными подковами. Ничего, что могло бы выдать его среди контрактников и отбросов Залома.

На поясе — два ножа и пустая сумка.

На груди, под курткой, шит тайный карман. Там лежало то, ради чего он шёл.

— Красиво, — сказал кто-то сзади.

Торвальт не обернулся.

— Ты опоздал.

— Я никогда не опаздываю, — ответил голос. — Я прихожу ровно тогда, когда должен.

Из темноты выступил человек. Высокий, тощий, в длинном плаще, заляпанном грязью. Лица не видно: капюшон закрывал всё, кроме подбородка, поросшего щетиной. Звали его Кривой — за шрам, который стягивал правую сторону лица, но сейчас под капюшоном шрама не было видно.

— Ты принёс? — спросил Кривой.

— А ты?

Торвальт усмехнулся одними губами.

— Я всегда плачу по счетам.

Он скинул с плеча вещмешок и бросил на землю. Тот звякнул: эфирные кристаллы, два десятка, чистой огранки.

Кривой нагнулся, развязал, проверил. Перебрал пальцами, взвесил на ладони. Кивнул.

— Добро.

— И это.

Торвальт достал из-за пазухи свёрток — плотная бумага, перевязанная бечёвкой. Кинул поверх мешка.

Кривой развернул, пробежал глазами. Брови поползли вверх.

— Это же... подорожная с печатью Тени? Как ты достал?

— Не твоё дело. Проход открыт?

Кривой сплюнул под ноги.

— Открыт. Спуск прямо по расщелине, через час выйдешь на нижнюю тропу. По ней до самого Залома. Никто не тронет — я предупредил своих.

Торвальт шагнул в расщелину. Вода плеснула под ногами.

— Шёпот знает, что ты ушёл, — сказал Кривой в спину. — Через день-два за тобой пошлют кого-нибудь.

— Пусть шлют. Я буду далеко.

— Куда ты прёшься?

Торвальт остановился, но не обернулся.

— Туда, куда не ступала нога человека.

Кривой хмыкнул.

— Удачи. Там, говорят, никого не осталось.

— Поэтому я туда и иду.

Он шагнул в темноту.

Ветер взывал сильнее.

Расщелина Залома сомкнулась за ним, как пасть.

Глава 6. Восход

Эйра проснулась оттого, что кто-то тряс её за плечо.

— Вставай, соня, — голос Сибиллы был хриплым со сна, но твёрдым. — Рассвет через полчаса.

Эйра села. Тело ломило после ночи на каменном полу. Во рту было сухо, голова — тяжёлой.

Сон ушёл, но оставил после себя странное чувство — будто кто-то всё ещё зовёт её из глубины.

Она помотала головой, отгоняя наваждение, и встала.

В малой кухне уже было тесно от людей. Верра сидела за столом, перед ней — миска каши и кружка воды. Она жевала медленно, сосредоточенно, глядя в одну точку.

Луск стоял у двери, нацепляя на пояс походную сумку. Компас болтался на шее, привязанный сыромятным ремешком.

— Работает? — спросила Эйра, кивнув на компас.

— Нет, — бодро ответил Луск. — Но я его привязал покрепче. Теперь он хотя бы не потеряется, пока не работает.

Эйра усмехнулась и взяла свою миску.

Каша была пресной, но горячей. Она ела молча, слушая, как за окном просыпается Архив.

Скрипели телеги. Кто-то перекликался. Где-то вдалеке зазвенел эфирный кристалл — чистый, высокий звук.

— Готова? — спросила Верра, когда Эйра отставила пустую миску.

— Нет, — честно ответила Эйра.

— Нормально. Я тоже не готова. Пошли.

Они вышли во двор.

Утро на Шёпоте было серым. Небо — или то, что здесь называли небом, — висело низко, затянутое пеленой. Ни солнца, ни облаков. Просто ровный серый свет, который не давал теней.

У выхода из Архива их ждала Сибилла. В руках она держала небольшой свёрток — тёмная ткань, перевязанная бечёвкой.

— Это вам, — сказала она, протягивая свёрток Эйре. — Не откроешь — пожалеешь.

Эйра взяла. Развернула.

Внутри лежал нож. Небольшой, кривой, с рукоятью, обмотанной чёрной кожей. Лезвие было тёмным — не металл, а что-то другое, матовое, не отражающее свет.

— Эфирное стекло, — пояснила Сибилла. — Точит камень. Режет плоть. Не тупится. Только не теряй.

Эйра сжала рукоять. Нож лёг в ладонь как родной.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что. Верни живой.

Сибилла перевела взгляд на Верру.

— Проводить вас до реки?

— Не надо, — ответила Верра. — Я помню дорогу.

Сибилла кивнула.

— Тогда прощайте.

— Прощай, — сказала Верра.

— Увидимся, — поправила Эйра.

Сибилла усмехнулась — одними уголками губ.

— Увидимся. Если повезёт.

Они вышли за ворота Архива.

Дорога на запад тянулась вдоль сгоревших кварталов. Шёпот ещё не оправился после налёта.

Слева от дороги чернел остов дома: стены обвалились, крыша провалилась, из окон торчали обгоревшие балки. Рядом женщина в сером платке копалась в пепле. Она не подняла головы, когда они проходили мимо.

Дальше — рыночная площадь. Здесь было людно. Кто-то торговал с тележек, кто-то менял кристаллы, кто-то просто стоял и смотрел. На них смотрели.

— Это те, что идут наверх, — раздался шёпот слева.

— Капельница с ними?

— Старая. Вон та, седая.

— А девчонка? Кто она?

— Говорят, Резонатор.

— Та, что иглу носит? С ума сойти...

Эйра сжала зубы. Она слышала каждое слово. Люди не старались говорить тихо.

— Привыкай, — буркнула Верра, не сбавляя шага. — Теперь ты известная.

— Мне это не нравится.

— Никому не нравится. Но слава идёт впереди тебя, хочешь ты того или нет.

Они прошли мимо группы мужчин, чинивших телегу. Один из них — коренастый, с обожжённой рукой — поднял голову и посмотрел на Эйру.

— Эй, девка! — крикнул он. — Слышал, ты тьму носишь. Говорят, она тебя сожрёт к утру.

Эйра остановилась. Повернулась.

— А ты проверь, — сказала она тихо. — Подойди.

Мужик опешил. Он не ожидал ответа.

Верра положила руку на плечо Эйры.

— Не трать силы, — сказала она. — Идём.

Эйра отвернулась и пошла дальше.

За спиной засмеялись.

— Слышь, она ещё и кусается! — крикнул кто-то вслед.

Луск догнал их, запыхавшись.

— Ну вы даёте. Я бы на вашем месте не связывался.

— Я и не связывалась, — ответила Эйра. — Я просто ответила.

— Ага. Ты ответила так, что он теперь будет рассказывать всем, какая ты дерзкая. Твоя слава растёт.

— Заткнись, Луск.

— Молчу.

Они вышли за пределы города. Дома кончились, потянулись пустоши — серая земля, чахлые кусты, редкие камни. Впереди, на горизонте, блеснула полоса света.

Эфирная река.

— Это она? — спросила Эйра.

— Она, — ответила Верра. — Отсюда до перехода полдня пути. К вечеру будем на месте.

Эйра всмотрелась вдаль. Свет переливался, тёк, дышал. Где-то там начинался Лазурник.

— Пошли, — сказала Верра и зашагала вперёд.

Луск поправил компас на шее и потащился следом.

Эйра обернулась. Архива уже не было видно — только серая пустошь и дым над сгоревшими кварталами.

Она отвернулась и догнала остальных.

Дорога на Лазурник началась.

Глава 7. Тропа в Заломе

Залом встретил Торвальта тишиной.

Не той тишиной, что бывает в пустых комнатах, — а плотной, давящей, когда звуки не разносятся, а гаснут, едва родившись. Каждый шаг отдавался глухо, будто земля не хотела его пускать.

Тропа вилась между острых скал. Стены расщелины поднимались на десятки метров — чёрные, влажные, кое-где поросшие бледным мхом, который светился в темноте слабым голубоватым светом. Торвальт шёл уже третий час. Ноги гудели, но он не позволял себе остановиться.

Сверху доносился вой ветра, но внизу, где он шёл, было безветренно и душно. Воздух пах сыростью и гнилью. Где-то капала вода.

Он нёс на плече небольшой вещмешок: смена одежды, сухой паёк на три дня, фляга с водой и кристалл-светильник, который он пока не зажигал, чтобы не привлекать внимание. Под плащом, у пояса, висели два ножа. Один — обычный, железный. Второй — эфирный, с чёрным лезвием, в чехле из сыромятной кожи. Он берёт его для тех, кто заслужил.

Навстречу никто не попадался. Но Торвальт знал: это ненадолго.

Залом кишел теми, кто прятался в тенях. Контрактники, воры, беглецы — все, кому не нашлось места на других пластах. Они не ходили по тропам. Они ждали, когда жертва сама придёт к ним.

Торвальт не был жертвой.

Он услышал их раньше, чем увидел.

Тихий скрежет — металл о камень. Слева, за выступами. Двое, а может, трое.

Торвальт замедлил шаг, но не остановился. Рука сама скользнула под плащ и легла на рукоять железного ножа.

— Слышь, — раздалось из темноты. — Далеко собрался?

Голос был хриплым, ленивым — голос человека, который привык, что его боятся.

Торвальт не ответил. Продолжал идти.

— Я говорю, слышь! — голос стал громче. Из-за камня выступила фигура.

Торвальт не рассчитывал, что Залом будет пустым, поэтому он приготовил кое-что заранее.

Он шёл, не поднимая головы. Его походка была усталой, спина слегка сгорблена, мешок болтался на плече как попало. Он не выглядел как охотник. Он выглядел как загнанный зверь.

Из-за уступа вышел человек. Короткий, кривоногий, с ножом наперевес. Лицо в шрамах, зубы редкие, гнилые. Контрактник с большой дороги — такие не торгуют контрактами, а просто режут и забирают всё, что плохо лежит.

Ещё один появился справа. Этот был повыше, с дубиной, обмотанной ржавой проволокой. Третий остался в тени — Торвальт слышал его дыхание, но не видел.

— Мешок оставляй и вали, — сказал кривоногий, сплюнув под ноги. — Живым отпустим.

Торвальт остановился.

Медленно поднял голову.

Из-под капюшона блеснули глаза — тёмные, холодные, без единой искры страха.

— Живым? — переспросил он тихо. — А если я не хочу живым?

Контрактники переглянулись. Такого ответа они не ждали.

А потом Торвальт сделал то, чего они не ожидали.

— Вы хотите договориться? — сказал он и замер, держа руки видимыми.

Кривоногий хмыкнул.

— Договориться? О чём?

— Я плачу за проход. Если вы пропустите меня — я заплачу. Если вы нападёте — я убью вас. Выбирайте.

Повисла пауза.

Высокий с дубиной шагнул вперёд.

— Слышь, щенок, ты кого пугаешь? — он замахнулся дубиной.

Торвальт не стал ждать.

Он ушёл в сторону прежде, чем дубина опустилась. Шаг — скольжение — разворот. Железный нож мелькнул в воздухе и воткнулся высокому в предплечье, прямо в сгиб локтя. Тот взвыл, выронил дубину, схватился за руку.

Кривоногий бросился на Торвальта с ножом — но тот уже ждал. Перехватил руку, рванул на себя, ударил локтем в лицо. Хрустнула переносица. Кривоногий осел на землю, зажав лицо ладонями.

Торвальт замер.

Третий — тот, что прятался в тени, — не вышел.

Тишина.

— Я заплачу за проход, — повторил Торвальт в пустоту. — Но сначала вы ответите на один вопрос.

Из темноты донеслось хриплое дыхание.

— Какой? — спросил третий.

— Кто сейчас держит Залом? Кого слушаются контрактники?

Пауза.

— Старую Лису, — ответил голос. — Она сидит в Нижней Трещине. Командует всеми в этой части Залома.

— Где Нижняя Трещина?

— Через два поворота на восток. Там вход с красным фонарём.

Торвальт кивнул.

— Живите.

Он перешагнул через стонущего кривоногого и пошёл дальше.

За спиной — вой раненого, ругань второго и тишина третьего, который так и не вышел из тени.

Глава 8. Берег эфирной реки

Они шли молча уже несколько часов.

Пустошь тянулась бесконечно — серая, плоская, как стол. Земля под ногами была твёрдой, потрескавшейся, местами покрытой белым налётом, похожим на соль. Воздух становился влажнее с каждым шагом, и в нём появился новый запах — сладковатый, чуть терпкий. Так пахнет эфир, когда он близко.

Верра шла впереди, не сбавляя шага. Луск плёлся сзади, то и дело поправляя лямку сумки и тяжело дыша. Эйра держалась посередине — так, чтобы видеть и впереди, и позади.

— Долго ещё? — спросил Луск, вытирая пот со лба.

— Часа два, — ответила Верра, не оборачиваясь.

— Два часа? Я сейчас упаду.

— Падай. Мы тебя подберём на обратном пути.

— На обратном пути меня уже съедят.

— Кто?

— Не знаю. Лазурные рыбки, ты же сама говорила.

— Я говорила, что там нет рыбок.

— А вдруг они появились, пока мы шли?

Верра остановилась и обернулась. Взгляд у неё был тяжёлый.

— Луск, — сказала она. — Если ты не заткнёшься, я тебя сама утоплю в эфирной реке.

Ты понял?

— Понял, — серьёзно ответил Луск. — Молчу как рыба.

Он замолчал ровно на минуту.

— А рыбы вообще умеют молчать?

Верра выдохнула и пошла дальше.

Эйра улыбнулась. Впервые за день.

Горизонт начал меняться.

Сначала появилась дымка — лёгкая, переливающаяся, будто воздух дрожал от жары. Потом стали видны очертания. Не деревья, не горы — что-то другое. Высокие, причудливые формы, похожие на кораллы, но огромные, в несколько человеческих ростов.

— Это уже Лазурник? — спросила Эйра.

— Скоро, — ответила Верра. — Сначала надо пересечь реку. Там будет переправа.

— Переправа? — переспросил Луск. — На чём?

— Увидишь.

Через полчаса они вышли к берегу.

Эфирная река раскинулась перед ними — широкая, спокойная, светящаяся изнутри мягким голубоватым светом. Вода не текла, а переливалась, будто дышала. По поверхности пробегали искры — крошечные вспышки света, которые рождались и гасли, не оставляя следа.

На берегу стояла лодка.

Странная лодка — выдолбленная из цельного куска коралла, розоватая, с прожилками. К ней был привязан канат из эфирных нитей, уходящий в воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.